

УОЛТЕР БЭДЖОТ (1826-1877)

Walter Bagehot

Бэджот¹ (Walter Bagehot, 1826-1877) отличался широкими интересами. Окончив математический факультет университета, он затем получил золотую медаль и магистерскую степень по этике (moral philosophy) и политической экономии. Про него говорили, что он быстро схватывает новые идеи, но не умеет быстро извлекать из этого практическую пользу. "Английская конституция" (*The English Constitution*, 1867) – самое известное произведение этого автора². Кроме "Английской конституции", интересна также другая его книга: *Physics and politics; or, Thoughts on the application of the principles of "natural selection" and "inheritance" to political society*.

Русский перевод: Бейджхот, Уолтер. "Естествознание и политика : мысли о применении начал естественного отбора и наследственности к политическому обществу" (Москва : URSS: Либроком, 2012).

"АНГЛИЙСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ" (1867)

В этой книге Бэджот подробно анализирует место всех ветвей власти в английской политической системе (Кабинет, Монархия, Палата лордов, Палата общин), он также исследует систему сдержек и противовесов (checks and balances) в политическом устройстве США. У Бэджота не было иллюзий относительно места королевской власти в английской политической системе. Он считал монархию декоративным (dignified), а не действенным (efficient) компонентом – английской политической организации. "Королева должна будет подписать и свой смертный приговор, если обе палаты Парламента за это единодушно проголосуют", – пишет Бэджот...

Во многом благодаря книге Бэджота, англичане привыкли думать, что королева в Англии "царствует, но не правит". Действительно, в условиях конституционной монархии

¹ Фамилию этого автора пишут русскими буквами по-разному: Бэджот, Бейджет, Бейджот, Бейджхот, Беджгот, Баджот, Багот, Багехот и т. д. Я предпочитаю Бэджот (с опорой на "Словарь английского произношения" Даниэля Джоунза. М., 1964).

² Русский перевод: Беджгот У. "Государственный строй Англии". М., 1905.

королевские прерогативы носят скорее формальный, чем практический характер. Они сводятся к тому, чтобы созывать и распускать Парламент, назначать и смещать премьер-министра, утверждать законы, принятые Парламентом, возводить в пэры королевства, жаловать награды и пользоваться правом помилования. Однако и в этих случаях королева действует по совету Правительства или по решению Парламента. С 1707-го года не было случая, чтобы билль, принятый Парламентом, не смог стать законом из-за того, что ему было отказано в королевской санкции. С 1783-го года не было случая, чтобы монарх сместил премьер-министра. Право назначать главу Кабинета тоже весьма условно: премьер-министр должен опираться на большинство в Палате общин и быть в состоянии сформировать правительство из своих сторонников.

Впрочем, если королевские прерогативы не используются, то это вовсе не означает, что они отменены. При необходимости, право королевы назначать премьер-министра или распускать парламент может оказаться большим преимуществом для правящего класса. Роль Букингемского дворца в государственном механизме может проявляться и иначе. По словам Уолтера Бэджота, за монархом сохраняется "право быть проинформированным, право поощрять и право предостерегать". Эти права открывают перед королевой широкое поле деятельности и могут дать возможность существенно влиять на государственные дела. Право быть проинформированной – очень важный источник политического влияния. Портфели с государственными бумагами ежедневно доставляются королеве, где бы она ни находилась. Это позволяет ей быть в курсе всех решений кабинета и обсуждаемых им проблем, следить за перепиской с зарубежными правительствами и донесениями послов. К тому же, премьер-министр еженедельно посещает Букингемский дворец. Королева имеет возможность видеть деятельность государственного механизма изнутри, и к тому же – лично знать людей, занимающих в нём ключевые посты. Все важные правительственные назначения должны быть заблаговременно одобрены Букингемским дворцом – с правом "поощрить или предостеречь" в отношении предлагаемых кандидатур. Королева, по существу, является членом кабинета и, более того, – единственным постоянным его членом, не зависящим от смены партийных правительств и потому – влиятельным уже в силу своей осведомлённости. Монархия остаётся в Британии одним из устоев власти. И то повседневное влияние, которое королева в состоянии оказывать на процесс принятия решений, может играть не меньшую, а подчас даже большую роль, чем официальные королевские прерогативы...

**

NB Результаты новой конституции не могут обнаружиться до тех пор, пока не отжили традиции старой конституции, воспитавшей народ и государственных людей в своём духе.

Перемена коснулась не одного пункта, затронула не отдельные детали, а полностью изменила руководящий дух конституции.³

³ Автор говорит о переменах в английской конституции после 1865 года, но в ещё большей мере его слова применимы к российской конституции 1993 года.

Большинство новых политических деятелей годились лорду Пальмерстону во внуки. Он вступил в парламент в 1806 году, а они – в 1856-м. Такая громадная разница в возрасте политических деятелей, не могла не произвести крупных изменений в характере правительственных мероприятий и в способах их осуществления.

Реформа 1867 года не остановилась на образованных рабочих. Она дала избирательные права и необразованным. Но никто не станет утверждать, что обыкновенный рабочий, не получивший образования, может быть хорошим судьёй в вопросах, требующих известной работы мысли.

В спокойное время государственные люди располагают громадной властью: когда огонь ещё не горит, от них зависит, какой огонь будет зажжён. Государственные деятели должны руководить обществом, а не позволять обществу руководить государственными деятелями.

Для того, чтобы руководить народом, не требуется обильной аргументации, не нужно даже точного изложения доводов. Требуется только смелое изложение главных выводов.

Государственный человек должен быть самим собой и говорить в простых выражениях то, что сам он считает насущной истиной. Тогда он будет и руководить народом, и приносить ему пользу. Но если он предпочитает одобрять решения, продиктованные невежественной толпой, то роль его сводится к роли наёмника нации, и не многое из того, что он сделает, не принесёт ей вреда.

Сегодня ни один политик в развитых странах не говорит то, что думает. Речи ему пишут квалифицированные люди, которые знают, что именно та или иная аудитория хочет услышать. И да, сегодня политик – это "наёмный менеджер", а не государственный деятель... Как тут не вспомнить знаменитое выражение лорда Пальмерстона: "Политик думает о следующих выборах, государственный деятель думает о следующем поколении..."

Один класс может легко впасть во временный и ложный фанатизм, но очень мало вероятно, чтобы это могло случиться одновременно со всеми классами.

Именно поэтому руководители рабочего класса в России после октябрьского переворота 1917 года взяли курс на выселение и физическое уничтожение всех, кто не разделял и фанатизма...

Как писатель-теоретик, я могу сказать то, что не посмеет сказать ни один выборный член парламента: я очень боюсь невежественной массы новых избирателей.⁴

Почему королева не пользуется своими огромными правами (например, она может распустить армию и флот, дать отставку большинству гражданских чиновников и т. д.)?

⁴ Действующее тогда в Англии избирательное право было основано на цензе. Избирателями могли быть только те мужчины, которые имели в собственности дом или снимали квартиру (не менее, чем за 10 фунтов в год). В 1898 году в Англии имели право голоса на выборах около 6 с половиной миллионов человек (при населении в 35 миллионов человек). Всеобщее избирательное право автору, конечно, не могло присниться и в страшном сне...

Потому что существуют сдержки. Первая – угроза обвинения. Всякий министр, который посоветует королеве воспользоваться её прерогативами в ущерб безопасности государства, может быть обвинён в государственной измене и, по решению суда, казнён.

Английские государственные люди и политические партии очень патриотичны. Даже политические страсти и личные интересы не могут заставить их пойти на что-либо, противное интересам Англии.

При нормальных условиях, цели правящей и оппозиционной партий должны быть практически тождественны, разногласия могут касаться, в основном, путей достижения этих целей. В России либеральную оппозицию часто обвиняют в недостатке патриотизма. Этому есть оправдание: в российской политической системе у либеральной оппозиции нет реальных путей прийти к власти, и при всякой попытке создать финансово независимую от существующей власти либеральную партию её руководители вынуждены принимать финансовую помощь из-за рубежа (и автоматически становятся "иностранными агентами"). Это приводит к радикализации оппозиции, а радикализм отталкивает от неё избирателей. Вторая причина, не позволяющая создать в России устойчивую двухпартийную систему, – это господство в политике и в общественной жизни секретных спецслужб. Секретность порождает вседозволенность, а вседозволенность порождает страх... Третья причина – особый российский политический менталитет. Стремление оппозиции "сделать, как лучше", наталкивается на почти повсеместное противодействие: "не надо, как лучше, лишь бы хуже не было"... Коммунистическая партия Российской Федерации – наиболее вероятный кандидат на место оппозиционной партии в её традиционном виде. Однако длинный шлейф грубых политических ошибок и массовых репрессий советского прошлого отвращает избирателя от этой партии, несмотря на то, что она "коммунистическая" только по названию.

Особое преимущество английской конституции часто видят в уравновешенном союзе трёх властей: монархический элемент, аристократический и демократический – имеют каждый свою долю в верховной власти, и согласие всех трёх необходимо для того, чтобы верховная власть могла действовать. На этом строится великая теория сдержек и противовесов, согласно которой недостатки всех этих трёх элементов уравновешивают и уничтожают друг друга.

Нечто подобное предлагал для России и Лорис-Меликов, но его проекту не суждено было осуществиться. Впрочем, в России монархия в союзе с дворянством и духовенством всё равно подавила бы всякое действительное движение в сторону демократии, и конституция – будь она принята – так и осталась бы никчёмным юридическим документом – наряду со всеми прочими законами, негодными высшей власти. В совершенно других условиях мы можем наблюдать подобный результат в России первой четверти XXI века... Вполне вероятно, что, у России была возможность развития по английскому образцу, но для этого крепостное право надо было отменить в 1804-м, а не в 1861-м году...

Ещё ни одному оратору не удавалось произвести впечатление на людей, взывая к их простейшим физическим нуждам (если в речи не делалось какого-нибудь намёка на то, что эти нужды – результат притеснения). Но тысячи ораторов производили величайшее впечатление, взывая к некоей смутной мечте о славе, могуществе и о судьбах народа...

Для людей, которые не вышли из состояния невежества, элементами, легче всего вызывающими почтение, будут *театральные* элементы, которые обращаются к чувству, а не к разуму.

Действиями самых развитых людей привычные обстоятельства руководят не меньше, чем их собственная воля. Неподвижный, традиционный *обычай* – вот что управляет поступками большинства людей. Привычка заменяет им в жизни деятельный, волевой элемент.

Корона – источник почестей, но пружина дела – казначейство.

Традиционная теория, повторяющаяся во всех учебниках, утверждает, что достоинство нашей конституции состоит в совершенном разделении законодательной и исполнительной власти, но в действительности её лучшее свойство заключается в их особенном сближении. И связующим звеном здесь служит *кабинет*.⁵ Под этим словом мы подразумеваем комиссию законодательного учреждения, избранную в качестве исполнительного учреждения. Законодательное учреждение создаёт много комиссий. Но эта – самая важная.

! Но Кабинет министров – это "комиссия", которая может распустить собрание, его назначившее⁶, или приостановить исполнение решений этого собрания.

Наш премьер-министр отличается от американского президента: он не избирается народом непосредственно, его избирают представители народа. Законодательное собрание, избранное (по названию) для *законодательной* работы, считает главным своим делом создание *исполнительной* власти и охрану её.

Англия представляет собой первое государство, в котором критика администрации есть необходимый элемент государственного управления.

В Англии Кабинет и Парламент по многим вопросам договариваются между собой. В России Дума и Правительство не умеют договариваться. Поэтому те и другие обращаются за решением спорных вопросов к Президенту – отсюда огромные неофициальные полномочия Президента, наряду с официальными. Конечно, в теории, в случае разногласий следовало бы обратиться в Суд, но судебное разбирательство дело долгое, а Правительство часто вынуждено действовать быстро...

Удивляются, что такой образованный народ, как американцы, читающий больше, чем любой из когда-либо существовавших народов, читающий массу газет, – имеет такие плохие газеты: у этих газет нет стимула быть хорошими.⁷ Американцы бегло просматривают в газетах отдел новостей. В детали они не вникают. Каковы газеты – таковы и читатели...

Монархия – правление самое сильное. Потому что монархия – самое *понятное* правление.

⁵ Совет министров во главе с премьер-министром

⁶ обратившись к королеве, которая в случае необходимости и распускает парламент

⁷ "Хорошими" автор, видимо, считает газеты, которые печатают длинные, подробные и скучные статьи по политическим вопросам...

Пока сердце в человеке сильно, а разум слаб, королевское правление будет могущественно – потому что оно взывает к общераспространённым *чувствам*, тогда как республиканское правление взывает к *пониманию*.

Народ разделён на партии. Но Корона – вне партий.

Английские политики – это актёры на сцене, и зрителям трудно думать, что актёр, которым они восхищаются, не выше их...

Может случиться, что президент – ничтожный человек. Но если он до конца своего правления держит при себе хороших министров, то об этом никто не узнает. Но английский премьер-министр должен сразу показать, кто он такой. Он должен уметь выдержать столкновение с Палатой общин в дебатах; он должен иметь способность руководить ходом её занятий, заставить её слушать себя в критических обстоятельствах и управлять ею, когда она возбуждена. И если это испытание окажется ему не по силам, он вынужден будет уйти в отставку.

При Пальмерстоне умеренные консерваторы и умеренные радикалы установили прочное правительство, вступив в союз с умеренными вигами. Если у государя есть дар проницательности, то в случае кризиса монарх удержит в должности премьер-министра такого государственного человека, на котором остановила свой выбор умеренная партия.

В парламенте 1859 года между партиями существовало приблизительно такое же разногласие, какое бывает в любом парламенте; очень многие либералы недолго любили лорда Пальмерстона и охотно помогли бы попытке низложить его. Но *умеренные* члены обеих партий удовлетворились тем, что министерство Пальмерстона было на тот момент лучшим министерством, и поэтому поддержали его, хотя оно было ненавистно крайним членам обеих партий.

Если правительство привлечёт на свою сторону умеренных членов парламента, то положение его не пошатнут ни мелкие интриги, ни происки врагов.

Если управление идёт обычным порядком, то от конституционного государя не требуется способностей выше средних. ! В большинстве случаев величайшая мудрость конституционного государя может сказаться в хорошо обдуманном бездействии.

У короля есть право, данное ему для чрезвычайного использования в критических случаях, но он может, не нарушая закона, пользоваться им при всяком случае. Король может распустить парламент.

Будущему английскому премьер-министру надо добиться места в парламенте, надо добиться внимания парламента, доверия парламента и доверия своих коллег. Никто не мог бы приобрести всё это (а тем более – удержать за собой), не обладая исключительными способностями, хорошо дисциплинированными различными обстоятельствами жизни. Тогда как монарх может быть только средним человеком. Напрасны надежды, что

обыкновенный человек, родившийся в королевской семье, будет обладать большими талантами, чем необыкновенный человек, который не родился в королевской семье.

Абсолютный монарх должен чувствовать, что государство держится им. Мощь государства зависит от него. От него самого зависит его положение. Если он не способен к управлению, то какой-нибудь способный человек может организовать заговор против него. Но конституционному монарху нечего бояться...

Георг III был образцом человека, добро которого умирает вместе с ним, а зло, им содеянное, живёт и после него...

Фантазия большинства людей невероятно слаба; они видят только то, что облечено в ясный символ. Английская аристократия – символ ума.

Во многих странах уважение к богатству идёт дальше, чем в Англии: там игнорируют искусство приобретения, и богатство в руках наследников пользуется таким же почётом, как и в руках творцов его.

Могут сказать, что поклонение деньгам не хуже поклонения знатности. Но лучше всё же иметь в обществе двух богов вместо одного: ! когда соперничают между собой ложные религии, есть надежда на успех истинной.

Есть и другое идолопоклонство, от которого спасала нас аристократия: это преклонение перед государственной службой. Многие думают, что чиновники и важнее, и лучше, чем обыкновенные люди. Высокое должностное положение, требующее ума и незаурядных способностей, пользуется уважением и в Англии. Помощник государственного секретаря с жалованием в 2000 фунтов стерлингов в глазах общества стоит выше, чем директор финансовой компании с жалованием в 5000 фунтов стерлингов.

Рост индустриального богатства создал для аристократии конкурента. Со временем – богатые промышленники поглотят её.

На деле выходит наоборот: богачи покупают себе аристократические титулы...

Вред, причиняемый существованием двух палат, наделённых равными правами, но различных по своей природе, очевиден.

Вовсе не очевиден. Существование в парламенте второго "центра силы", обладающего правом остановить любое законодательное мероприятие, предохраняет парламент от принятия слишком радикальных, поспешных и плохо продуманных решений. Да это замедляет процесс законотворчества, но это лучше, чем "взбесившийся принтер", который оперативно штампует глупые запретительные законы.

Пока есть ещё листья на деревьях в ноябре, вы знаете, что был лёгкий морозец, но не было ветра. Пока существует Палата лордов, вы можете быть уверены, что в обществе нет дикой силы, способной произвести великие разрушения.

Если двери Палаты лордов будут закрыты перед безродным гением и перед талантом, у которого нет пяти тысяч фунтов годового дохода, её власть будет из года в год уменьшаться и в конце концов исчезнет так же, как исчезла королевская власть: никто не знает как.

Очевидно, что пожизненное пэрство (в отличие от наследственных прав лордов) может обеспечить приток в Палату лордов новых талантов.

Опасность для Палаты лордов состоит не в насильственной смерти, а в атрофии; не в уничтожении, а в упадке.

В Англии говорят: "Многочленное собрание никогда не может ничего решить", но в лице Палаты общин нами как раз и управляет многочисленное собрание. Почему Палате общин это удаётся? Потому что она *организована*. *Объединяет* членов парламента почтительная привязанность к замечательным людям или вера в принципы, представителями которых они являются, а *сдерживает* их страх перед этими людьми, которые могут лишить их права голоса.

По мнению Бэджота, парламент, выбранный при всеобщем избирательном праве, когда голос умного человека и голос глупца имеют равный вес, не сможет нормально функционировать, потому что он не сможет принимать *умеренные* решения.

Избирательная система Гэра (Thomas Hare, 1806-1891): число проголосовавших избирателей делится на число мест в парламенте – таким образом определяется, сколько голосов должен набрать кандидат, чтобы быть избранным. Например, в парламенте 100 мест, а на выборах проголосовали 100 тысяч человек. Таким образом, чтобы пройти в парламент, кандидату нужно набрать 1000 голосов. После голосования составляется список кандидатов в соответствии с полученными голосами. Вот что пишет по этому поводу Джон Стюарт Милль (John Stuart Mill, 1806-1873): "В соответствии с системой, предлагаемой Томасом Гэром, чтобы помешать наиболее популярным кандидатам завладеть почти всеми голосами, необходимо, чтобы кандидату – сколько бы голосов он ни получал – засчитывалось не больше, чем требуется для его избрания, а остальные голоса засчитывались бы следующему в списке кандидату, если он в них нуждается (а если нет – то следующему и т. д.) Эта система даёт возможность попасть в парламент тем талантливым представителям меньшинства, которые, при другой системе, никогда не наберут необходимого числа голосов. Таким образом каждое меньшинство, заключающее в себе значительное число граждан, будет иметь в парламенте своих представителей. Иначе же сотни талантливых и независимых людей, составляющих, быть может, интеллектуальный цвет нации, не будут иметь никаких шансов быть избранными".

NB Свободное правление есть самоуправление. Свободное правление есть то, которое народ, подчиняющийся ему, добровольно избрал. Для свободных людей возможен только один вид свободного правления – демократический. Пробный камень свободного правления – общественное мнение. Если свободное правление руководствуется этим мнением, то это хорошее правление; если же оно идёт наперекор ему, то оно дурно.

Я не считаю исключение рабочего класса из действительного представительства недостатком нашего парламентского представительства. Рабочие классы почти ничего не вносят в наше общественное мнение, и поэтому факт отсутствия их влияния в парламенте не вредит согласованности парламента с общественным мнением. Они не участвуют в представительстве, но они не участвуют также и в том, что представляется.

Вопрос, который часто задают, – Почему при отставке премьер-министра уходят в отставку все министры? Вред, причиняемый этим обычаем, очевиден: если сразу освобождается двадцать мест, то бывает ли так, что есть налицо двадцать испытанных, компетентных, умных людей для занятия этих мест?

Такие люди есть! Это "теневое" правительство, составленное из представителей оппозиции и только ждущее своего часа. Эти люди отличаются общей идеологией, общим мнением по поводу проблем, которые им предстоит решить. А если менять только отдельных министров, а не кабинет в целом, то в правительстве неизбежно возникнет скрытая или явная борьба между старыми и новыми назначенцами, и это помешает его эффективности.

Во многих отраслях управления бессменная посредственность лучше, чем часто сменяемые таланты.

Яркая, но очень спорная мысль.

NB От постоянной тирании парламента государственное учреждение может защитить только такой премьер-министр, который сам является членом парламента и связан тесными узами и с министерством, и с господствующей в парламенте партией.

Бюрократическое управление имеет тенденцию к постоянному расширению и размножению. Дисциплинированный чиновник ненавидит недисциплинированную публику. Он думает, что она глупа, невежественна, беспечна, не понимает своих собственных интересов, и что, прежде чем что-нибудь делать, ей следует иметь разрешение из канцелярии. Протекционизм - это естественная и прирожденная религия всякого должностного лица.

Частая смена министров не ошибка, а преимущество.

NB ! Труднейшая из политических проблем: народ должен быть в одно и то же время и совершенно обуздан и совершенно доволен.

Избирая правителей, революция обретает деятельного администратора ценой, превышающей его ценность; своими катастрофами она оставляет жизнь и собственность без защиты; даже среди благополучия она поддерживает затаенный страх... Министерству внутренних дел в Англии приходится бороться с таким затруднением, которое за границей долгое время было неизвестно. Нам нравится иметь независимые местные власти, обособленные от власти центральной. Когда столичная исполнительная власть одушевлена сильным желанием действовать, она часто не может действовать успешно, так как местные власти колеблются, долго раздумывают и даже не повинуются.

Но местная независимость не связана необходимым образом с парламентарным правлением. **NB** Степень местной свободы, желательной в стране, изменяется в зависимости от многих обстоятельств, и парламентарное правление можно согласить с какой угодно степенью местной свободы.

Помимо вышеназванного особого затруднения, с которым администрация сталкивается в Англии, иностранные системы, соперничающие с английской административной системой обладают особым преимуществом в другой области. За границей чиновник – это "высшее существо"; все остальные люди стоят ниже его и почти все завидуют ему. Все способные люди стремятся попасть в чиновники. Благодаря этому, правительство может свободно выбирать из сливок нации. Но в Англии нет этого верховенства бюрократии, и у англичан нет этого чувства.

Система сдержек и противовесов

Если Палата общин уверена в народном одобрении, она может управлять так, как хочет; она может обеспечить выполнение своих декретов, потому что она и только она назначает исполнительную власть. Эта власть уравнивается, однако, правом Палаты лордов не согласиться с решением Палаты общин. Но и Палата лордов не может диктовать парламенту свою волю, потому что, по представлению премьер-министра, монарх может назначить в палату новых пэров...

Эта система не ослабляет власти парламента целом, но ослабляет власть его частей, предохраняя нас от парламентской тирании.

Парламентарное правление в его чистом виде есть правление партий и возможно только в случае, если партии способны к объединению. Если борьба между партиями доходит до такой степени, что она вредит интересам народа, тогда монарх может распустить парламент.

Чир касается колониальных губернаторов, то они тоже не склонны к крайним мерам в любом вопросе, потому что они не хотят попасть в "затруднительное положение", сделав что-нибудь такое, что не понравится их начальству в министерстве колоний, которое может их отозвать и погубить их дальнейшую карьеру.

Партийный дух, проявляющийся в парламенте сильнее, чем среди нации, и парламентский эгоизм, противоречащий интересам нации, могут создать известную опасность; но в действительности она не так страшна в стране, где осуществляется постоянный контроль над народными представителями.

Легко представить себе такую палату общин, которая недовольна всеми государственными людьми, ничем не удовлетворяется, состоит из мелких партий, голосует мелкими группами, не желает прочно держаться ни одного из вождей и всем вождям, даёт шансы и надежду на успех. Для такого парламента необходима сдержка в виде возможного роспуска. В силу недавно установившегося в нашей конституции обычая, применение этой сдержки с каждым годом ускользает из рук государя, сосредоточиваясь в руках премьера.

Монарх благоразумный, спокойный и мудрый, если случится такому царствовать в момент острого кризиса, может предотвратить целые годы смут, спасти от кровопролития и гражданской войны, воспрепятствовать скоплению взаимной ненависти между противоположными партиями.

Отдать власть во время революции в слабые руки возможно, но *удержать* её в слабых руках нельзя: она переходит к сильному.

Современный великий полководец – это не романтическое существо, бросающееся в единоборство, одушевлённое неистовыми чувствами, полное таких фантазий, как любовь к даме или государю, а спокойный, серьёзный человек, углубившийся в свои карты, точный в своих расчётах, знаток тактики, погружённый в мелкие подробности человек, который, как граф Мольтке, "умеет молчать на семи языках".

Постоянные материальные отношения создают привычку к подсчёту, привычку спрашивать каждого человека: "Ну, что вы сделали с тех пор, как я видел вас в последний раз?"

Когда молодым общинам колонистов приходится выбирать себе правление, они выбирают такое, в котором *все* учреждения обладают очевидной, осязаемой *полезностью*.

Отличительные признаки варварского народа – широко распространённое недоверие и безотчётная подозрительность.

Невежественные классы действительно думают, что ими управляет королева. Невозможно объяснить им тонкое различие между *царствует* и *управляет*; не существует в их языке слов, необходимых для истолкования этого; не существует в их умах идей, необходимых для того, чтобы понять это. Отделение высшей власти от высшего положения есть такая тонкость, которая недоступна их разумению. Низшие классы воображают, что ими управляет наследственная королева, королева милостью Божией, тогда как в действительности ими управляет кабинет министров и парламент – такие же люди, как они, ими же избранные.

В молодых обществах постоянство закона имеет гораздо большее значение, чем совершенство закона. В такую эпоху люди нуждаются не в целесообразности своих законов, а в их прочности. На ранних ступенях общественного развития всякая перемена считается злом, и в большинстве случаев это так и есть. Условия жизни крайне просты и неизменны, и люди удовлетворяются законами до тех пор, пока им понятен их смысл.

! В древности порабощению не было поставлено никакой легальной границы, но фактически оно было ограничено тем, что можно назвать языческим элементом в природе человека – тем упрямством, которое присуще свободным людям, никогда не исполняющим в точности то, что им приказано.

В момент переходный, когда республика только назревает, а монархия клонится к упадку, исполнительная власть по необходимости слаба. В управлении нет единодушия; правительственная деятельность лишена силы и нецелесообразна.

Во время переписи 1851 года одна очень рассудительная старая леди говорила, что "вольности Англии приходят к концу", если правительство может спрашивать, кто спит у вас в доме и сколько вам лет. "О чём же тогда *не* может оно спрашивать, и чего *не* может оно сделать?" – заключала она.

"ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И ПОЛИТИКА : МЫСЛИ О ПРИМЕНЕНИИ НАЧАЛ ЕСТЕСТВЕННОГО ОТБОРА И НАСЛЕДСТВЕННОСТИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ"

Вряд ли отыщется теперь (1872) хотя бы один отдел науки и техники, который находился бы в том же виде или почти в том же состоянии, как и пятьдесят лет тому назад.

Наиболее выдающийся результат современной мысли состоит в стремлении за всяким рассматриваемым предметом видеть его древнейшее состояние (everything is made an "antiquity").

Автор, возможно, хотел сказать "развитие" – от его прошлого состояния к настоящему.

В глазах современной науки и сам человек превратился в древность (an "antiquity"). Наука старается прочесть в строении каждого человека историю всей его прошедшей жизни, узнать по этому строению, что он такое и что сделало его таким.

Далее автор цитирует Гексли (Huxley. *Elementary psychology*):

"Способность, которая была приобретена трудом в одном поколении, проявляется в виде врождённой способности в следующих поколениях. Развитие совершается здесь в соответствии с общим законом возрастания специализации и сложности приспособления к внешним условиям, который можно проследить во всём животном царстве... Мы не должны ограничиваться наблюдениями над жизнью отдельного человека (individual), так как каждый человек (individual) – это всего лишь одно из звеньев цепи, соединяющей прошлое с будущим".

Частные законы наследственности пока ещё не познаны. Но существует тенденция (tendency), в соответствии с которой потомки цивилизованных родителей будут (в силу их врождённых свойств) более способны к развитию, чем потомки неразвитых родителей. И эта тенденция усиливается в ряду нескольких последовательных поколений.

Культура – это то, что накапливается постепенно и (при благоприятных условиях) передаётся из поколения в поколение, хотя вопрос о том, как передаётся, – это очень сложный вопрос. Наследственность, конечно, играет здесь значительную роль (в смысле передачи наследственных способностей), но культурная преемственность может легко прерваться, если эти способности не развиваются. Дети выдающегося художника не обязательно обладают выдающимися

способностями к живописи, а дети выдающегося музыканта не обязательно обладают выдающимися способностями к музыке...

"У них нет ни совещательных собраний, ни законоведов. Каждый сам управляет своими жёнами и детьми, и никому нет дела до других," – так описывает Гомер раннее историческое состояние человечества...

Человек становится достоянием истории, когда он выходит из патриархального состояния.

Древнему человеку была чужда привычка постоянного предвидения событий – привычка, которая придаёт нашему уму его настоящие особенности.

Не совсем понятно, как автор пришёл к такому заключению. "Привычка" предвидеть результаты своих действий свойственна не только дикарям, но даже и животным – иначе они не смогли бы охотиться...

Мы до сих пор не в состоянии объяснить все специфические явления национального характера (all the singular phenomena of national character).

Воспроизводя картины из жизни известного времени, мы отбрасываем много того, что одинаково свойственно каждой эпохе.

Характер англичан во многих отношениях оставался таким же и во времена Чосера, и в век Елизаветы, и в годы правления королевы Анны. Но к этому общему элементу во всякое время присоединяются какие-то специфические качества. Некоторые из них в известную эпоху выступают на первый план, другие – остаются в тени. Часто мы упускаем из виду неизменное начало и обращаем больше внимания на изменяющиеся качества.

Выдающийся писатель действует на умы потому, что его сочинения согласуются с настроением окружающего его общества. Нередко таким писателем оказывается вовсе не тот, кто позднее удерживается в памяти потомства... То же относится и к читателям: очень многим нравится то, что нравится окружающим их людям и одобрено общественным мнением (пока мода внезапно не изменится...)

Мне кажется, что и национальный характер образуется таким же путём: некоторые случайные черты выходят на передний план, а потом люди начинают подражать тому, что они видят перед собой, и формируют себя по этому образцу. Например, в Америке или в Австралии возникают новые разновидности того, что мы называем англо-саксонским характером. Эти особенности характера формируются вследствие трудностей колониальной жизни в постоянной борьбе с силами дикой природы...

В целом – согласен. Но я бы обратил внимание и на то, что на заокеанскую эмиграцию изначально решаются люди определённого типа – люди, которые привыкли во всём полагаться на себя и не ждут ни от кого никакой помощи, "искатели приключений", условно говоря.

Человек подражает тому, что видит перед собой, только тогда, когда он не видит ничего другого. Существует древняя поговорка: "тот, кто говорит на двух языках, – мошенник".

Это изречение верно отражает чувства неразвитых обществ во времена, когда новые идеи начинают расшатывать прочно установившийся деспотизм освящённых древностью обычаев.

Далее автор приводит цитату из предисловия Арнольда к трудам Фукидида:

NB "Смешение людей различных рас в одном и том же обществе, без явного преобладания какой-нибудь одной из этих рас, неизбежно вносит путаницу во взаимные отношения и в представления людей о добре и зле".

Для нас прогресс настолько привычен, что нам трудно представить себе общество, в котором веками не было никакого прогресса. А между тем, такие общества в истории существовали.

Когда в начале XVII века первые английские колонисты поселились в Америке, североамериканские индейцы жили так же, как и их предки за полтора тысячелетия до них: охотились с помощью лука и стрел, ночевали в вигвамах из звериных шкур и пр. За 1500 лет они не достигли никакого прогресса! Сравните, например, Англию в 500 году и Англию 2000-го года...

Только для европейских нации движутся вперёд, и среди них живёт убеждение, что такое движение вперёд естественно и непрерывно.

Сегодня (2020) колоссального технического прогресса достигли и некоторые азиатские страны. Но все их достижения основаны на технологиях, заимствованных из США и западноевропейских стран...

Великие научные идеи всегда стремятся захватить как можно более обширную область и часто способствуют решению таких задач, которые, казалось, не имели никакой связи с ними при первом появлении этих идей.

Для XIX века такими идеями были, например, законы борьбы за жизнь и естественного отбора.

Начало, применённое к истории животных, оказывается (при некотором изменении формы, но оставаясь тем же по своей сущности) пригодным и для истории человека.

И для истории человеческого общества! Люди вообще мало отличаются от животных. Современные генетические исследования показывают, что генетический код человека и обезьяны шимпанзе совпадает на 94%!

В настоящее время нельзя не признавать, что человеческая история подчиняется определённым законам.

Прогресс в области военного искусства есть самый заметный факт в истории человечества.

Один замечательный научный деятель сказал мне: "Как только учёный прославится в какой-то области знания, так он становится вреден. Потому что, наверняка, будет всю

жизнь верить тем заблуждениям, которые были в ходу во времена его молодости, но были позднее опровергнуты новым поколением учёных".

Ни одна нация не поддаётся какому-либо отвлечённому определению. Каждый народ есть существо, обладающее многочисленными и разносторонними свойствами. Ни одно событие в истории не может служить для полного выражения какого-либо начала, потому что каждое явление находится в неразрывной связи со многими другими. История, какой бы ясной и полной она ни казалась, всегда походит на картину Рембрандта, где только отдельные места освещены ярким светом, а всё прочее оставлено в тени. Чтобы воспользоваться историей какой-нибудь нации для доказательства известного начала, необходимо намеренно придать одним явлениям больше рельефности, а другие оставить в стороне.

Цивилизация показывает нам бесчисленное множество верований, которые имели необычайно полезное значение вначале, но затем утратили всякую жизненность.

Почему некоторые нации идут вперёд, а другие – останавливаются в своём развитии или деградируют?

На это вопрос автор отвечает долго, туманно и путанно.

Все перемены, происходящие в области литературы – области более узкой и определённой, нежели жизнь в целом, представляют в уменьшенном размере перемены, имеющие место на обширном жизненном поприще.

Автор советует всем прочитать знаменитую проповедь Ньюмена (Newman) "О личном влиянии как средстве распространения истины" (*Personal Influence, the Means of Propagating the Truth*, 1832).⁸

Каждый выдающийся ум затрагивает чувства своих современников. Эти чувства пробуждаются в каждом и выражаются им соответственно силе своего проявления. Неразделяющие эти чувства люди вынуждены молчать или не находят себе слушателей.

Если вы хотите приобрести репутацию умного человека, – говорил Свифт, – вы должны быть того же мнения, что и тот, с кем вы говорите. Болезнь подражательности поражает человека даже в самой сокровенной части его умственного мира – в его верованиях.

Сцены жестокости и ужаса, подобные тем, которые наблюдались во время Французской революции и которые обычно повторяются в той или иной степени при всяком политическом перевороте, обнаруживают скрытую сторону человеческой природы.

Свободным может называться такое государство, в котором власть разделяется между несколькими людьми [или группами людей], имеющими возможность критиковать друг друга. Одной только возможности свободно обсуждать общественные дела достаточно для возникновения в обществе изменений и прогресса. В первобытном обществе всякая

⁸ <https://www.newmanreader.org/works/oxford/sermon5.html>

оригинальность подавлялась обычаям. То, что Маколей считал непрерывным источником прогресса, – стремление человека улучшить своё положение – не могло проявляться тогда; от каждого требовалось, чтобы он жил так, как жили его предки.

Согласен, свобода мысли – это основа прогресса. Но как могла возникнуть свобода мысли в обществе, вся жизнь которого до мелочей была подчинена древним обычаям? Видимо, некоторая свобода мысли и исследования неизбежно допускалась даже самыми консервативными вождями племён. Ведь и у вождя племени что-нибудь время от времени болит, и он вынужден обращаться за помощью к человеку, который изучил (опытным путём!) целебные свойства растений, например. И кто-то заметил, что заострённая палка – это более эффективное оружие, чем просто палка, подобранная с земли. И лук и стрелы (очевидный прогресс в деле войны и охоты) тоже кто-то изобрёл...

В свободных государствах высоко ценятся умы, способные к критическому мышлению. В необразованных странах даже и теперь смотрят с подозрением на всякого, кто высказывает что-либо новое, и такой человек, если он не наказывается по закону, неизменно осуждается общественным мнением. Усвоение новых идей всегда бывает трудным и неприятным делом. Для успешной критики необходима терпимость.

Правительство, основанное на критических началах, служит самым могущественным орудием в усовершенствовании человечества. Но при своём появлении оно было весьма нежным растением. При зарождении свободного государства число лиц, примыкающих к нему, бывает по необходимости крайне ограниченным.

Англичанам свойственно сочетание энергии и умеренности. История Англии, несмотря на отдельные ошибки, может быть названа историей успеха.

Действительная оригинальность составляет такое редкое явление и приносит такие полезные плоды, что этот благодетельный результат свободной правительственной системы заставляет забывать её второстепенные недостатки.

По мере общественного развития, в нации появляется новый "образец характера". Те, характеры, которые подходят к этому образцу, пользуются поощрением и размножаются; те, которые отклоняются от него, подвергаются преследованию и становятся малочисленными. Через одно или два поколения общий вид нации становится совершенно иным; люди, вызывающие подражание, становятся уже совершенно другими. Малоподвижная нация может обратиться в промышленную, богатая – в бедную, религиозная – в атеистическую...

Цивилизованный человек не только обладает большими средствами для управления природой, но он лучше знает, как пользоваться ими, то есть он понимает, что именно полезнее для его физического и умственного здоровья.

Если все люди, стремятся к улучшению своего состояния, то почему не все нации способны к прогрессу и достигают его в одинаковой степени? – спрашивает автор. И отвечает:

Состояние застоя более свойственно человеку. Прогрессивное состояние является лишь редким и случайным исключением.

Человек может прогрессировать лишь в "кооперативных группах". Чтобы производить общую работу успешно, все члены такой группы должны быть достаточно сходны между собой.

В книге немало интересных мыслей, но в целом я ожидал более чёткого изложения принципов социального дарвинизма с интересными примерами. Антропология меня интересует очень мало.